

УДК 929.52“17” + 274/278

doi 10.17072/2219-3111-2025-3-78-89

EDN: DYLBKN

ASJC 1202

ГРНТИ 03.23.55

Ссылка для цитирования: *Андреев А. Н., Андреева Ю. С. Ученые Петербургской академии наук и их семьи в составе инославных общин (по материалам церковных реестров XVIII столетия) // Вестник Пермского университета. История. 2025. № 3(70). С. 78–89. DOI: 10.17072/2219-3111-2025-3-78-89. EDN: DYLBKN.*

УЧЕНЫЕ ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК И ИХ СЕМЬИ В СОСТАВЕ ИНОСЛАВНЫХ ОБЩИН (ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕРКОВНЫХ РЕЕСТРОВ XVIII СТОЛЕТИЯ)

A. Н. Андреев

Российский государственный гуманитарный университет, 125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6
alxand@yandex.ru

Researcher ID: A-5232-2016

Scopus Author ID: 57218506275

SPIN-код: 9503-1117

Ю. С. Андреева

ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет), 123001, Москва, Большой Патриарший переулок, 3, стр. 1

iulyand@yandex.ru

SPIN-код: 9221-4494

С опорой на документы инославных общин авторы реконструируют систему социальных (конфессиональных), кровнородственных и духовно-родственных отношений с участием иностранных ученых Петербургской академии наук в XVIII в. Особое внимание уделено анатому и физиологу Ж. Ж. Дювернуа, математику Л. Эйлеру, директору библиотеки И. Д. Шумахеру. Истории их семей показывают, что академическая среда являлась не только сферой профессионального общения, но и областью матримониальных отношений, где иноземцы обретали семейные узы. В России XVIII столетия ученые Петербургской академии наук в основном были протестантами – реформатами и лютеранами. Они объединялись в родственные и духовно-родственные кланы, которые существовали в мире взаимосвязанных протестантских сообществ, обособленных от русского православного социума. Сделан вывод о том, что крестное родство иностранных академиков и профессоров (кумовство в прямом смысле слова) могло опосредованно влиять на жизнь Академии наук. В статье приводится масса новых сведений о жизни в России таких служащих Петербургской академии, как И. Амман, Г. Ф. Юнкер, Х. Н. Винсгейм, И. Г. Лейтман, М. Шванвиц, И. Шрейбер и др. На примере изучения их биографий показаны перспективы использования в исторических (особенно в просопографических) исследованиях различных церковных документов – метрических книг, перечней прихожан, списков причастившихся. Статья основана на архивных материалах реформатских и лютеранских церквей, католического и англиканского приходов из фондов Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.) и Российского государственного исторического архива (РГИА).

Ключевые слова: Петербургская академия наук, иностранцы в России, инославные приходы, биографии, история семей.

Введение

Российский XVIII в. богат событиями, известными личностями, выдающимися государственными и культурными деятелями. Однако биографии даже самых знаменитых людей этой эпохи зачастую с трудом поддаются изучению из-за недостатка фактических данных. В этом легко убедиться, обратившись к жизнеописаниям знаменитых архитекторов, живописцев или ученых того времени. Это вовсе не означает, что документы не сохранили сведений об их жиз-

ни и трудах: бюрократическая машина империи работала на полную мощность и фиксировала будни каждого специалиста, как фиксировала стоимость гвоздей в заборе или дров для отопления «камор» в академии наук. Дело в том, что чиновные люди не интересовались личностями, а только их работоспособностью. Документы редко рассказывают нам о семье, вероисповедании, дружеских привязанностях, чертах характера того или иного человека. Кроме того, работа бюрократической машины в XVIII столетии не была отлажена, отличалась хаотичностью и не-последовательностью, из-за чего сведения о людях обычно рассыпаны мелкими крупицами по архивам самых разных учреждений так, что их не под силу собрать ни одному историку. Поэтому важны любые источники, способные уточнить биографические факты и тем более могущие показать нам исторических личностей в новом ракурсе.

Для всех, изучающих жизнь и деятельность иноzemных специалистов в России, таким ценным и до сих пор малоизвестным источником выступают реестры инославных общин – метрические книги католических и протестантских церквей, списки причастившихся и перечни прихожан. Они дают возможность определить временные рамки пребывания человека на службе, выявляют состав семьи и косвенным образом позволяют судить о ее материальных потребностях, свидетельствуют о вероисповедании лица, а иногда и о его религиозной активности, характеризуют круг родственников и знакомых (среду повседневного общения). Дореволюционные историки не успели раскрыть потенциал таких документов, а в советское время поиски в церковных фондах считались недостойными ученого пролетарской генерации. Сегодня историки широко используют метрические книги в демографических и генеалогических исследованиях [Шнайдер, 2021; Винник, 2012], но по-прежнему мало привлекают их для решения просопографических задач. Данная статья призвана частично восполнить этот пробел и показать возможности церковных реестров на примере биографических реконструкций иностранных служителей Петербургской академии наук. Ее цель состоит в уточнении биографических данных, относящихся к ученым и членам их семей, в воссоздании на базе церковных книг системы социальных и духовно-родственных отношений с участием иноземцев.

Социальные и бытовые аспекты жизни ученых в Петербурге историки анализируют крайне редко. Чуть ли не единственной работой, в которой раскрывается ближайшее окружение иностранных (конкретно – швейцарских) ученых Академии наук и где специально рассматриваются семейные и религиозные взаимоотношения с их участием, остается монография цюрихского исследователя Рудольфа Мументалера [Мументалер, 2009]. Однако он не пользовался фондами петербургских церквей, источниковую базу его книги составляют документы личного происхождения (главным образом переписка швейцарских академиков) и делопроизводственные бумаги академического архива. Между тем документы инославных приходов Петербурга XVIII столетия (лютеранских церквей Св. Петра, Св. Анны и Св. Екатерины, реформатских кирок голландцев, французов и немцев, а также англиканской конгрегации и католического костела) содержат массу не введенных в научный оборот сведений о служителях Академии наук. Например, ценной представляется информация об известных ученых – академике кафедры зоологии и анатомии Жане Жорже (Иоганне Георге) Дювернуа, математике Леонарде Эйлере, его коллеге Николае Бернулли и о многих других профессорах и адъюнктах, не столь знаменитых научными открытиями. Трехсотлетний юбилей Российской академии наук, отмечаемый в 2024 г., вновь заостряет внимание общества на их судьбах.

Доктор Жан Жорж Дювернуа и его родственники в Петербурге

Ж. Ж. Дювернуа, гугенот из Монбельяра (область Франш-Конте), прибыл в Петербург вместе с семьей 6 (17) декабря 1725 г. (по другим сведениям, в начале 1726 г.) [Иностранные специалисты..., 2019, с. 259]. Состав семьи исследователям оставался неизвестным. Метрики немецкой лютеранской общины Васильевского острова (будущей церкви Св. Екатерины) сообщают, что во второй половине 1730-х гг. в Петербурге проживали сестра академика Маргарита и дочь Сибилла Франциска (Сесиль-Франсуаза). Маргарита Дювернуа, по первому мужу Шарфенштейн, овдовела еще в Монбельяре около 1722 г. и первые десять лет петербургской жизни жила с братом. В праздник Пасхи 27 апреля 1736 г. она сочеталась браком с секретарем

Коммерц-коллегии Иоганном Остервальдом, лютеранином из Гамбурга, тоже вдовцом (ЦГИА СПб. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 242. Л. 131 об.). Остервальд, принятый на русскую службу в июне 1718 г., начал свой карьерный путь с должности секретаря Ревизион-коллегии [Поленов, 1869, с. 1749]. Первый брак он заключил с дочерью вице-президента Коммерц-коллегии Генриха фон Фика, вместе с которым в марте 1731 г. был арестован по делу кн. Д. М. Голицына за попытку ограничения абсолютизма в России (Дипломатические документы..., 1870, с. 425). Однако, в отличие от своего тестя, Остервальд, по-видимому, избежал ссылки в Сибирь. В конце декабря 1734 г. он овдовел¹, но имел от первой жены сына Христиана Дитриха (по-русски Тимофея Ивановича), 1729 года рождения, который впоследствии стал литератором и театральным деятелем и был известен как учитель великого князя Павла [Степанов, 1999]. В отношении сестры Дюверну было подозрение, что ее супруг Шарфенштейн жив, так что пастору Лудольфу Отто Трефурту в опровержение слухов понадобилось наводить справки на родине академика (ЦГИА СПб. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 242. Л. 131 об.–132).

В метрических книгах не удалось найти сведений о жене самого профессора Дюверну, Элеоноре Шарлотте Хайнрих², однако упоминается их дочь Сибилла Франсуаза, которая 28 мая 1739 г. вышла замуж за профессора Петербургской академии наук Фридриха Генриха Штрубе де Пирмента (Там же. Л. 138). Штрубе де Пирмонт, уроженец Ганновера, занимал кафедру юриспруденции и политических наук и еще до женитьбы входил в круг знакомых семьи Дюверну. Он был реформатом [Muralt, 1842, S. 29] (Erik Amburger Datenbank, № 52254), не раз становился крестным отцом для детей голландских и французских кальвинистов (ЦГИА СПб. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1. Л. 49), но при этом посещал также богослужения немецкой лютеранской церкви Васильевского острова. Дюверну мог знать его не только по службе в академии, но и по общим собраниям верующих, поскольку профессор зоологии, в свою очередь, находился в тесном контакте с немецкими протестантами (как кальвинистами, так и лютеранами). Это было обусловлено, во-первых, петербургскими традициями сотрудничества между протестантами разных конфессий [Алакин, 2006, с. 150–158], во-вторых, личным опытом жизни и работы Дюверну в Германии. Неудивительно, что семья ученого породнилась с лютеранским семейством Остервальдов. До сих пор еще бытует ложное мнение, что Дюверну исповедовал не кальвинизм, а лютеранскую веру (Erik Amburger Datenbank, № 52151).

Дюверну, по-видимому, не поддерживал близких отношений с зятем, так как в частной переписке (письме Г. Н. Теплова) имеется глухое упоминание о том, что Штрубе де Пирмонт «поступил бесчестно» со своим тестем (из контекста письма следует, что Штрубе мог оклеветать Дюверну перед Э. И. Бироном и способствовать его удалению из Академии наук) [Пекарский, 1870, с. 675]. К тому же Дюверну выступал против власти Иоганна Даниеля Шумахера, а Штрубе де Пирмонт пользовался протекцией всесильного директора академической библиотеки и даже входил в его клику. После отъезда Дюверну из России в 1741 г. его дочь, надо полагать, оставалась в Петербурге вместе с мужем, занявшим вскоре должность конференц-секретаря академии [Иностранные специалисты..., 2019, с. 615].

Кальвинисты Эйлеры в кругу единоверцев и духовных родственников

По мировым меркам, Дюверну, выведший анатомическую науку в России на европейский уровень, отнюдь не самый яркий ученый Петербурга. Гораздо более значимый след в истории науки оставил математик кальвинистского исповедания Леонард Эйлер. Ему и его семье посвящено немало биографических и даже генеалогических трудов³. Тем не менее церковные архивы еще способны сообщить много нового – неучтенного или просто незамеченного. Несмотря на немецкое происхождение своей фамилии, в первый период петербургской жизни Л. Эйлер явно тяготел к французской реформатской общине, в то время как многие (хотя и не все) немцы и германоязычные швейцарцы «кальвинской веры» посещали либо богослужения немецких лютеран [Алакин, 2006, с. 153], либо своих единоверцев-голландцев (ЦГИА СПб. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1. Л. 3А об., 33, 43, 72). В 1733 г. Л. Эйлер женился на Екатерине Гзелль, дочери живописца, которая, как и ее отец – швейцарец из Санкт-Галлена, окормлялась в голландском приходе. Чету Эйлеров венчал гугенотский пастор Робер Дюнан, сделавший такую запись

в регистрационной книге: «Сегодня, 27 декабря 1733 г., я, нижеподписавшийся ординарный пастор французской реформатской церкви в Санкт-Петербурге, благословил вступление в брак господина Леонарда Эйлера, профессора высшей математики императорской академии наук, рожденного в Базеле господином Полем Эйлером, пастором в церкви Рихена Базельского кантона, и госпожой Маргаритой Брукер, с девицей Катериной Гзелль, родившейся в Амстердаме от Георга Гзелля, живописца на службе Ее Величества Императрицы Российской, и покойной госпожи Марии Гертруды фон Лоен. Я благословил вышеупомянутый брак в Санкт-Петербурге. Присутствовал вышереченный господин Георг Гзелль, отец невесты. Свидетелями выступили господин и госпожа Шумахер, господин Фокеродт, секретарь прусского королевского посольства, и господин Гаспари (Gaspary), депутат города Риги» (ЦГИА СПб. Ф. 444. Оп. 2. Д. 1. Л. 50). Из этой записи следует, что Эйлер, который неоднократно вместе с другими учеными протестовал против внедряемых Иоганном Даниелем Шумахером бюрократических принципов в управление Академией наук, находился в приятельских отношениях с ним самим и с его женой Анной Доротеей. Впоследствии это позволило великому математику нивелировать затянувшийся конфликт с заведующим академической канцелярией и «восстановить совершенную дружбу» [Пекарский, 1870, с. 258].

Л. Эйлер, без сомнений, женился по зову сердца, о чем на его свадьбе друзья распевали шуточное немецкое стихотворение, сочиненное предположительно «профессором пиитики» Готтлобом Фридрихом Юнкером [Пекарский, 1870, с. 252–253; Мументалер, 2009, с. 66]. В нем были такие слова: «Кто бы мог подумать, что наш Эйлер будет любить? Ведь он днем и ночью пел лишь о том, как ему хочется умножать цифры. Его глубокий ученый ум был свободен от страсти, а теперь он обнимает девушку за талию и целует. Скорее можно поверить, что дважды два не четыре» (перевод – наш) [Пекарский, 1870, с. 253]. В этом браке у Эйлера родились 13 детей, из которых 8 умерли в детстве [Там же, с. 302]. Пятеро детей появились на свет в Петербурге: 16 ноября 1734 г. (даты даны по старому стилю) – сын Иоганн Альбрехт (ЦГИА СПб. Ф. 444. Оп. 2. Д. 1. Л. 11 об.); 28 мая 1736 г. – дочь Анна Маргарита (Там же. Л. 13 об.); 21 апреля 1737 г. – дочь Мария Гертруда (Там же. Л. 14 об.); 24 октября 1738 г. – дочь Анна Элизабет (Там же. Л. 16); 4 июля 1740 г. – сын Карл (Там же. Л. 17 об.). Иоганн Альбрехт в дальнейшем стал известным российским физиком и математиком и скончался 6 сентября 1800 г. в родном Петербурге [Muralt, 1842, S. 56] (Erik Amburger Datenbank, № 52152). Анна Маргарита умерла 21 июля 1736 г., не достигнув двухмесячного возраста (ЦГИА СПб. Ф. 444. Оп. 2. Д. 1. Л. 70 об.). О Марии Гертруде ничего не известно. Анна Элизабет скончалась 21 апреля 1739 г. полугодовалой крошкой (Там же. Л. 72). Карл (Иоганн Карл) стал доктором медицины и придворным врачом и умер в Петербурге 24 февраля 1790 г., чуть-чуть не дожив до своего пятидесятилетия (Erik Amburger Datenbank, № 61292). Остальные дети в семье Эйлер родились в Берлине, из них известны: Иоганн Христофор (01.05.1743 – 20.02.1808), артиллерийский офицер на русской службе [Пекарский, 1870, с. 302] (Erik Amburger Datenbank, № 92140); Катарина Елена (26.11.1741 – 23.04.1782), вышедшая в Петербурге замуж за майора Карла Йозефа Белла, служившего в Пруссии, а затем в России [Там же, с. 302] (Erik Amburger Datenbank, № 8964); Шарлотта (крещена в Берлине 27.07.1744, умерла 13.02.1780), выданная в Петербурге замуж за немца Иоганна Якоба фон Делена, барона фон Гроссконкель (Erik Amburger Datenbank, № 13697).

До сих пор исследователи не обращали внимания на отношения Л. Эйлера с кумовьями. Между тем анализ духовно-родственных связей, зафиксированных в записях о крещениях детей математика, показывает нам круг очень близких к нему людей. О том, что Л. Эйлер придавал значение крестному родству, свидетельствует его письмо к историку Г. Ф. Миллеру, в котором он рассказал об удовольствии, доставленном ему однажды в Берлине визитом «молодого Фишера» – сына академика Иоганна Эберхарда: радость от посещения усугублялась тем, что жена Эйлера когда-то крестила этого юношу (то есть была его крестной матерью) [Пекарский, 1870, с. 279].

Обряд крещения всех детей Эйлера, родившихся в Петербурге, произвел пастор Р. Дюнан. Иоганн Альбрехт был крещен 28 ноября 1734 г. (ЦГИА СПб. Ф. 444. Оп. 2. Д. 1. Л. 11 об.), его родителями во Христе стали президент академии наук Иоганн Альбрехт фон Корф (давший ребенку крестильное имя), швейцарский ногоциант Иоганн Штелин – земляк и приятель деда

ребенка, Георга Гзелля (Записки Якоба Штелина..., 1990, т. 2, с. 11), и упомянутая супруга И. Д. Шумахера Анна Доротея (урожденная Фельтен, дочь петровского обер-кухмистера). Свидетелями обряда выступили родственники и друзья четы Эйлер – Анна Иоганна Вермёлен, дочь Георга Гзелля, к тому времени овдовевшая, но еще не старая женщина; профессор ботаники и натуральной истории академии наук Иоганн Амман, вскоре женившийся на Анне Доротее Шумахер (дочери библиотекаря и внучке обер-кухмистера Фельтена); академик Георг Вольфганг Крафт, тоже через несколько лет женившийся на представительнице клана Фельтен – Екатерине, старшей сестре будущего архитектора Юрия Матвеевича (Георга Фридриха) Фельтена.

Духовными родителями Анны Маргариты Эйлер, крещенной 6 июня 1736 г., выступили: художник-медальер из Швица Иоганн Карл Хедлингер⁴, доктор Иоганн Амман, супруга историка Готлиба Зигфрида Байера Анна Доротея (урожденная Болнер)⁵, вдова Вермёлен и некая мадемуазель Брукнер⁶ (ЦГИА СПб. Ф. 444. Оп. 2. Д. 1. Л. 13 об.). Мария Гертруда Эйлер была крещена 27 апреля 1737 г., ее восприемниками регистрационная книга называет профессора физики и математики Г. В. Крафта, некую мадам Кольман (урожденную Шмидт) и вдову Вермёлен (урожденную Гзелль) (Там же. Л. 14 об.). Свидетелями обряда в тот день стали господин Кольман и упомянутый академик Амман. Таинство крещения над Анной Элизабет Эйлер было произведено 2 ноября 1738 г. Ее крестным отцом стал Иоганн Даниель Шумахер, а крестной матерью выступила дочь Б. К. Миниха Христина Елизавета фон Менгден в присутствии свидетелей – живописца Гзелля и его дочери, все той же вдовы Вермёлен (Там же. Л. 16). Много восприемников было у Карла Эйлера, крещенного 11 июля 1740 г., – новоиспеченный президент Академии наук Карл фон Бреверн, полковник Шарль де Бодан⁷, надворный советник Готтлоб Фридрих Вильгельм Юнкер (предполагаемый автор стихов на свадьбу Эйлера), советница Генингер (Heninguer, урожденная Фельтен) и жена профессора Г. В. Крафта Екатерина (тоже урожденная Фельтен) (ЦГИА СПб. Ф. 444. Оп. 2. Д. 1. Л. 17 об.). Крещение Карла проходило в присутствии советника И. Д. Шумахера, Г. В. Крафта и Г. Гзелля, дедушки новорожденного.

Очевидно, что Эйлеры были особенно близки с Шумахерами, своими кумовьями, и их родственниками Фельтенами, а из собратьев по Академии наук в ближний круг общения Л. Эйлера входили ботаник Амман, математик Крафт, историк Байер, профессор элоквенции Юнкер. В жизни семьи Эйлер деятельное участие принимала свояченица ученого Анна Иоганна Вермёлен – наряду с другой его свояченицей, Елизаветой Паулиной Гзелль, имя которой давно известно историкам [Лекарский, 1870, с. 258]. Любопытно, что самого Л. Эйлера не приглашали быть восприемником. В течение первых шести лет петербургской жизни он ни разу не был упомянут в протестантских церковных книгах – его имя впервые встречается в связи с женитьбой в 1733 г. [Muralt, 1842, S. 28]. Нам известен лишь один случай присутствия Эйлера на крестинах, произошедший незадолго до его отъезда из России, 8 апреля 1741 г. В этот весенний день он был приглашен в голландскую общину в качестве свидетеля крещения Доротеи Христианы Шарлотты Винсгейм, дочери экстраординарного профессора астрономии и математики Христиана Николауса. Вместе с Л. Эйлером тогда же в кирке присутствовали Анна Доротея Шумахер, Катарина София Вейтбрехт, жена академика по кафедре физиологии Иосии (Юстаса) Вейтбрехта, и академический профессор математики Христиан Гольдбах, в переписке с которым родилась знаменитая проблема Гольдбаха-Эйлера (ЦГИА СПб. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1. Л. 47 об.). Вейтбрехт (прихожанин Петрикирхе) (Büsching, 1766, S. 97) и Гольдбахы были лютеранами, но общались с кальвинистами. Редкое участие Л. Эйлера в крестинах может говорить о том, что он все же мало интересовался религиозной жизнью петербургских протестантов, по крайней мере во время своего первого пребывания в городе на Неве. Потому что в крестные отцы обычно старались звать набожных прихожан, способных осуществлять духовное попечение о своих крестниках. Например, тестя Эйлера Георг Гзелль минимум восемь раз становился восприемником младенцев, среди которых значатся не только его собственные внуки Вермёлены и Кайзеры (ЦГИА СПб. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1. Л. 34 об., 36 об., 39, 40, 43 об.), но и дети других кальвинистов голландской церкви – Вильгельма Купи, Самуеля Смита, Иоганна Якоба Лапгарта (Там же. Л. 41, 44, 45 об.).

Четверть века берлинской жизни Л. Эйлера (в столице Пруссии он работал с 1741 по 1766 г.) способствовала изменению его национальной и культурной самоидентификации. Математик явно стал отождествлять себя с немцами и немецкой культурой. Об этом свидетельствуют документы протестантских общин Петербурга, куда Эйлер возвратился 17 июля 1766 г. Французско-немецкая реформатская община города на Неве оставалась объединенной до 1773 г., хотя сложности во взаимоотношениях французов и немцев наблюдались задолго до их формального церковного разделения [Алакшин, 2006, с. 155, 157]. В 1773 г., после смерти пастора Жана-Филиппа Лавиня, когда встал вопрос о новом проповеднике, немецкая и французская группы верующих избрали каждая своего пастора. Временно исполняющим обязанности проповедника немецких реформатов (замещающим вакантную должность) стал поляк Самуэль Людвиг Маевски, кандидатуру которого французы решительно отвергли [Dalton, 1865, S. 63; Алакшин, 2006, с. 157]. Одной из первых публичных акций этого пастора, демонстрирующих независимость немецкой части церкви, стала проповедь Маевского на погребении жены математика Екатерины. Екатерина Эйлер умерла 10 ноября 1773 г. (Erik Amburger Datenbank, № 52153) и была погребена на четвертый день Маевским, который при этом не только произнес напыщенную проповедь, но и опубликовал ее под названием «Памятная речь в честь высоко рожденной госпожи Катарины Эйлер, урожденной Гзелль, супруги выдающегося и высокоученого господина Леонарда Эйлера, здешней Императорской академии наук и других академий члена, бывшего директора Прусской королевской академии наук, произнесенная 14 ноября 1773 г. на ее похоронах» (Majewski, 1773). Без согласия Л. Эйлера проповедь не могла быть напечатанной, а это значит, что в ожесточенных церковных спорах математик находился на стороне немцев. Запись о смерти жены Эйлера была зарегистрирована в отдельной книге немецкой общины. Французские же метрические книги больше не упоминают о Леонарде. Все последующие события, связанные с Л. Эйлером, – его повторная женитьба и собственная кончина – фиксировались пастором немецких реформатов.

После смерти жены Екатерины связи Л. Эйлера с семейством Гзелль еще более упрочились: второй супругой академика стала единокровная сестра его первой жены, Саломея Абигель Гзелль. 28 июля 1776 г. их повенчал в Петербурге пастор немецкой реформатской общины Абрахам Шмидт (Erik Amburger Datenbank, № 52153). Саломея Абигель родилась 6 июля 1723 г. от третьего брака живописца Георга Гзелля с художницей Марией Доротеей, урожденной Граф (ЦГИА СПб. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1. Л. 36 об.). С новой женой великий математик прожил недолго, так как имел серьезные проблемы со здоровьем. Л. Эйлер скончался от инсульта, о чем любопытные подробности оставил пастор Шмидт, отметивший в своей проповеди: «7 сентября 1783 г. умер член Императорской академии наук и других известных академий, а также первый старейшина немецкой реформатской общины. Смерти не предшествовала болезнь, не считая головокружения, которое случилось за 4 дня до его кончины, но от которого он оправился в тот же день. Однако <в день кончины> произошел инсульт, и через 7 часов он полностью потерял сознание. И, невзирая на то, что этот достойный всякого почитания старец покинул мир в возрасте 76 лет, 5 месяцев и 3 дней, каждый заботящийся о процветании науки и распространении добродетели, должен сожалеть о столь ранней для них обеих утрате. Память о его великих заслугах перед нашей общиной, которой он преданно служил с 1773 г., навсегда останется благословенной» [Muralt, 1842, S. 48–49]. Свидетельство Шмидта очень важно, потому что в нем фиксируется официальный статус Эйлера в немецкой общине (старейшина, член церковного совета) и время начала его попечительской деятельности – 1773 год, когда произошла церковная автономизация немцев. Впрочем, есть сведения, что главой общины Л. Эйлер был избран в 1774 г. [Мументалер, 2009, с. 213].

Л. Эйлер похоронен на Смоленском инославном («лютеранском») кладбище. Саломея Абигель пережила мужа всего на десять лет, оставаясь прихожанкой немецкой общины. Однако далеко не все дети и внуки Л. Эйлера избрали для духовного окормления именно этот приход. Только Иоганн Альбрехт Эйлер оставался преданным немецким кальвинистам: он был очень религиозным человеком, входил в консисторию общину и занимался приглашением пасторов, проявляя нетерпение к французам и их требованиям во внутрицерковном конфликте

[Там же, с. 213–215]. Он умер 6 сентября 1800 г., и пастор Иоганн Коллинс, женатый на дочери Иоганна Альбрехта Анне Шарлотте [Алакшин, 2023, с. 76–77], оставил в своем надгробном слове массу сведений об обстоятельствах его кончины, заслугах перед церковью, о его детях и иных родственниках [Muralt, 1842, S. 49–50; Мументалер, 2009, с. 202–208]. До брака с пастором Коллинсом Анна Шарлотта Эйлер была прихожанкой голландской реформатской церкви; сохранилась запись о ее исповеди 29 марта 1789 г. (ЦГИА СПб. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1. Л. 7). В этот же день вместе с ней исповедались ее двоюродная сестра Наталия Эйлер, дочь доктора медицины Карла Эйлера, а также еще одна особа по фамилии Эйлер, чье имя не указано (Там же. Л. 7). Все они официально были вписаны в лист прихожан голландской церкви. В марте 1769 г. Карл Эйлер состоял во французско-немецкой общине, так как его сын Шарль был похоронен ее пастором (ЦГИА СПб. Ф. 444. Оп. 2. Д. 1. Л. 77 об.).

Истории семей Дювернуа, Эйлера и других ученых ясно показывают, что академическая среда являлась для них не только сферой профессионального общения, но и областью матри-мониальных отношений, где они или их родные обретали семейные узы. Уже было сказано о том, что дочь Ж. Ж. Дювернуа сочеталась браком с академиком Штрубе де Пирмонтом. В этой связи упомянем, что тестя Л. Эйлера Георг Гзелль был не просто живописцем, а именно «академическим живописцем», официально состоявшим в штате Петербургской академии наук. Он занимался художественным оформлением научных изданий, фиксировал в графике экспонаты Кунсткамеры и преподавал в Гравировальной палате (Записки Яакова Штелина..., 1990, т. 1, с. 45, 48). Благодаря академии устроился и брак проректора академической гимназии, будущего профессора истории и археологии Иоганна Эберхарда Фишера, чьей кумой, как мы уже знаем, стала первая жена Л. Эйлера Екатерина. И.Э. Фишер, лютеранин общине Васильевского острова, 30 декабря 1731 г. обвенчался с дочерью учителя академической гимназии Иоганна Стикса (Штюкса) Катариной Маргаритой (ЦГИА СПб. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 242. Л. 121 об.). Ее отец, судя по всему, преподавал в гимназии немецкий язык (в церковной книге он отмечен как сотрудник немецкого класса – *Collaborator bey der Deutschen Classe*).

Социальная коммуникация других протестантов Петербургской академии наук

Церковные документы отражают плотную ткань истории, тесно связывая между собой разных людей: Л. Эйлера, И. Д. Шумахера, И. Аммана, Х. Н. Винсгейма, Г. Ф. Юнкера, Я. Штелина и др. Типичный представитель этой среды – академический поэт Юнкер, вращавшийся среди ученых разных специальностей и близкий к представителям «творческой интеллигенции» – художникам Г. Гзеллю и К. Оснеру (ЦГИА СПб. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1. Л. 44). Юнкер был лютеранином из общине Св. Петра, церковная книга которой сообщает о нем следующее: «Он родился в Альтенбурге в Тюрингии 20 июня (1 июля) 1705 г. и умер 10 ноября 1746 г. вечером в 11 часов на 42 году жизни, а похоронен 14-го» (*Büsching*, 1766, S. 96–97). Впрочем, пастор А. Ф. Бюшинг, опубликовавший эту запись, полагал, что Юнкер мог родиться в 1702 г. в Шлейзингене. Его отец, Кристиан Юнкер, был известным школьным деятелем, возглавлявшим гимназию в Альтенбурге. Академик Г. Ф. Юнкер принимал участие в жизни Петрикирхе: он написал стихи, положенные на музыку и звучавшие при открытии в этой церкви органа (*Ibid.*, S. 97).

Уроженец Кольмара немец И. Д. Шумахер исповедовал лютеранство, однако есть мнение, что он идентифицировал себя с французской культурой [Иностранные специалисты..., 2019, с. 615]. Среди его духовных родственников немало лютеран и кальвинистов, в том числе гравер академии наук Оттомар Эллигер и семья его жены Штарк, дочь Г. Гзелля Анна Иоганна Вермёлен, профессор элоквенции Я. Штелин, полковница Вирсавия фон Теттая (ЦГИА СПб. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1. Л. 44, 47). В 1718 г. в католической общине Петербурга он воспринял по святому крещении незаконнорожденного и потому бесфамильного младенца Иоанна (ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 31. Л. 8 об.). Широкий круг духовных родственников находим и у его жены Анны Доротеи, которая стала крестной матерью для дочерей мастера типографических шрифтов Вильгельма Купи (1729) и профессора астрономии Христиана Николауса Винсгейма (1741). Среди ее кумовьев – Георг Гзелль (который минимум дважды породнился с нею), профессор Г. Ф. Юнкер, художник и резчик католического исповедания Ганс Конрад Оснер, академик

Христиан Гольдбах (ЦГИА СПб. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1. Л. 41, 44, 47 об.). Напомним, что ботаник Иоганн Амман, верующий французско-немецкой реформатской общине, с 1739 г. приходился советнику Иоганну Даниэлю Шумахеру и его жене зятем. Через архитектора Иоганна Яака Шумахера, брата академического советника, семья Шумахеров находилась также в родстве с Остервальдами: 17 августа 1738 г. в лютеранской церкви Васильевского острова состоялось венчание И. Я. Шумахера с Фридерикой Еленой Остервальд, дочерью коллежского секретаря Иоганна Остервальда (ЦГИА СПб. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 242. Л. 134 об.). И. Я. Шумахер с 1740 г. входил в церковный совет Анненкирхе на правах старшины (*Büsching*, 1766, S. 315). На этом основании осторожно предположил, что и сам заведующий академической библиотекой, его брат, был членом лютеранской общине Св. Анны.

Естественно, наличие общих знакомых и друзей вовсе не исключало конфликтов и противостояний, возникавших между учеными в силу их личных интересов и убеждений. Например, с фрисландцем Вильгельмом Купи и родными его жены Анны Поттер, помимо Шумахеров, приятельством был связан академик по кафедре правоведения Иоганн Симон Бекенштейн – скорее всего, кальвинист по вероисповеданию (ЦГИА СПб. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1. Л. 41 об.). Однако Бекенштейн, очень честный и прямой человек, а главное независимый в своих мнениях, не мог терпеть Шумахера и не признавал его за ученого [Пекарский, 1870, с. 198].

Математик и астроном Х. Н. Винсгейм (Винцгейм), наоборот, пользовался дружбой И. Д. Шумахера, и именно ему был обязан своей карьерой в Петербургской академии наук [Там же, с. 474]. О Винсгейме и его семье исследователям до сих пор было мало что известно. Родом из Пруссии (шведской Померании), Винсгейм, однако, исповедовал не лютеранство, а кальвинизм, состоя в голландском приходе. Он прибыл в Петербург не позднее 1718 г. и до 40 лет оставался холостым. 6 октября 1734 г. он вступил в брак с девицей Анной Марии Инкен, прихожанкой той же общине (ЦГИА СПб. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1. Л. 71). Инкен приехала из Москвы в 1732 г. (Там же. Л. 13). В этом браке родились минимум четыре ребенка (все девочки): Мария Элизабет (крещена 25 августа 1735 г.) (Там же. Л. 44), Анна Христина (крещена 10 июля 1737 г.) (Там же. Л. 45 об.), Иоганна София (крещена 11 октября 1738 г.) (Там же. Л. 46) и Доротея Христиана Шарлотта (родилась 30 марта 1741 г., крещена 8 апреля) (Там же. Л. 47 об.). В мае 1741 г. семью постигло горе. Из-за инфекционной болезни с разницей в пять дней скончались две девочки – Иоганна София (25 мая) и Анна Христина (30 мая). Круг близких друзей и духовных родственников Винсгейма, воспринимавших его дочерей, состоял из чиновников российской администрации – ассессора Юстиц-коллегии Иоахима Хагемайстера, советника Берг-коллегии Винцента Райзера, обер-комиссара Раушерта, гоф-интенданта Антуана Кормедона (Там же. Л. 44, 45 об., 46, 47 об.). Через жену Винсгейм был в родстве с семейством английских предпринимателей-реформатов Милл (Милль). Сестра Анны Марии София Элизабет Инкен была замужем за Александром Миллем, и Анна Мария не раз становилась крестной для своих племянников и племянниц (Там же. Л. 43, 44, 45 об., 46, 47 об., 51). Благодаря Миллам Винсгеймы неплохо знали деловую элиту Петербурга, будучи знакомыми с советником Коммерц-коллегии Дитрихом Виллерсом, а также с прусским консулом и коммерц-ратом Ульрихом Кюном.

Лютеран среди ученых и преподавателей академии было не меньше, чем реформатов. Академик кафедры механики и оптики Иоганн Георг Лейтман, бывший пастор местечка Дабрюнн близ Виттенберга, посещал службы лютеранской церкви Васильевского острова (*Büsching*, 1767, S. 54). В июне 1731 г. он был упомянут при прокламации брака своего приятеля Иоганна Фридриха Розе, академического книгопечатника (ЦГИА СПб. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 242. Л. 121). Профессор Лейтман умер 5 марта 1736 г., и 10 марта был погребен пастором Трефуртом на кладбище Васильевского острова (Там же. Л. 166). Прихожанином той же лютеранской церкви был филолог Мартин Шванвиц (Шванвич), преподаватель, а затем ректор академической гимназии, о котором столь мало сведений, что его упоминают исключительно как автора «Немецкой грамматики». Церковный архив сообщает о нем, что он овдовел и 11 ноября 1739 г. снова женился на Христине Доротее Войт (Фойт), дочери придворного садовника Иоганна Каспара (Там же. Л. 140). Почетный член Академии наук доктор медицины Иоганн Шрейбер относился к лютеранскому приходу Св. Петра (*Büsching*, 1766, S. 98). Упоминание о

нем 30 ноября 1742 г. в книге крещений позволяет уточнить время его возвращения в Петербург из Москвы, где он трудился несколько лет с 1739 г. Он был женат на Анне Катарине, немке из Саксонии, и приходился кумом обер-хирургу Главного госпиталя Христиану Давиду Зальцеру, чью dochь Анну Элизабет воспринял при крещении 25 августа 1743 г. (ЦГИА СПб. Ф. 1896. Оп. 1. Д. 1. Л. 41 об., 56 об.–57).

Ограниченный объем статьи не дает возможности рассказать обо всех профессорах академии, чьи биографии нашли отражение в церковных книгах. В реформатских и лютеранских документах имеется немало сведений об «отце российского искусствознания» Якобе Штелине (ЦГИА СПб. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1. Л. 45–47; ЦГИА СПб. Ф. 444. Оп. 2. Д. 1. Л. 9 об.). Бумаги англикан и французских протестантов освещают малоизвестный петербургский период жизни лингвиста Гийома-Анри де Лави, преподававшего французский язык в академической гимназии (РГИА. Ф. 1689. Оп. 1. Д. 1. Л. 24–24 об.; ЦГИА СПб. Ф. 444. Оп. 2. Д. 1. Л. 10, 12 об., 15 об., 16 об.). Эти же документы уточняют обстоятельства смерти и место погребения математика Николая Бернули (ЦГИА СПб. Ф. 444. Оп. 2. Д. 1. Л. 63 об.). Метрики англиканской конгрегации хранят в себе историю семьи географа и картографа Джона Трускотта (РГИА. Ф. 1689. Оп. 1. Д. 1. Л. 20, 21, 23 об., 29). Источники петербургской католической церкви раскрывают подробности пребывания в России великого астронома Жозефа Николя Делиля, единственного католика среди первых академиков Петербурга (ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 31. Л. 46, 62). Архивы Петрикирхе и Катариненкирхе включают в себя материалы к биографии малоизвестных академиков – астронома и математика Августина Натаниеля Гришова (Гришау) и профессора «римских древностей и красноречия» Иоганна Георга Лоттера (*Büsching*, 1766, S. 98; *Büsching*, 1767, S. 54). Помимо собственно ученых, церковные книги содержат информацию о многих десятках сотрудников академии наук разного профиля, среди которых – переплетчики Иоганн Каспар Криппендорф, Иоганн Андреас Браунс, Карл Генрих Больман, Фридрих Готфрид Паули⁸; книгопечатники Георг Давид Ланге, Иоганн Фридрих Розе и др.; граверы и печатники гравюр Иоганн Штенглин, Георг Иоганн Унтерцагт, Иоганн Георг Штробель, Иоганн Готфрид Кёлер; столяры Миллер, Иоганн Николаус Фриче; секретари и актуариусы Кристофф Мёдер, Якоб Генрих Гофман; сотрудники академической гимназии Кристиан Герман и проч.; кустод-типограф Кристиан Шварц; содержатель академического книжного магазина Зигмунд Прейсер; часовщик Бартоломеус Негер; надзиратель при академических постройках Эрих Иоганн Шмидт; переводчик Михаэль Андреас Гренике; помощник хирурга при академии Пьер Балло и др.

Заключение

Таким образом, документы церковных архивов представляют собой высокоинформационный исторический источник, незаменимый в ходе структурно-функционального анализа любых социумов. Произведенная на его основе реконструкция социальных и духовно-родственных отношений с участием иноземных ученых Петербургской академии наук показала, что последние имели тесные конфессиональные и родственные связи между собой. В случае с Дювернуа, Эйлерами, Шумахерами и иными лицами, чьи биографии затронуты в статье, эти связи исключали родство или кумовство с русскими православными жителями столицы. Участие русских людей в церковных обрядах петербургских протестантов и католиков в эпоху Петра Великого стало обычным явлением, но в кругу академиков и профессоров не наблюдалось. Иноземные профессора объединялись в родственные и духовно-родственные кланы, которые существовали в обособленном от «русской действительности» мире взаимосвязанных протестантских общин. В XVIII столетии церковные приходы обеспечивали иностранным ученым необходимую социализацию и коммуникацию, становились местом встреч и тем самым формировали среду приватного общения. В то же время очевидно, что работники Академии наук составляли особый круг петербургских протестантов, в котором служебное взаимодействие играло едва ли не решающую роль в создании семейных союзов и, безусловно, содействовало кумовству. Крестное родство семей (кумовство их членов) могло опосредованно влиять на жизнь Академии наук, что хорошо видно на примере жизни Эйлера и Шумахера, сохранивших деловые и дружеские отношения, несмотря на их взаимные разногласия во время протеста ученых против «шумахерщины».

Примечания

- ¹ Катарина Ильза Остервальд (урожденная фон Фик) скончалась в Петербурге 26 декабря 1734 г. (Erik Amburger Datenbank, № 36056).
- ² Ж. Ж. Дювернуа женился на Элеоноре Шарлотте Хайнрих 30 октября 1714 г. (по новому стилю) в эльзасском местечке Риквир (Райхенвейер) (Erik Amburger Datenbank, № 52151).
- ³ О новейших работах, посвященных Л. Эйлеру, можно узнать из специальных историографических исследований [Брылевская, 2009, с. 5–6; Алакшин, 2014, с. 143, 151, 186].
- ⁴ О нем см. [Малиновский, 2007, с. 385–387].
- ⁵ О ней см. [Иодко, 2019, с. 21].
- ⁶ Брукнер – возможно, дочь механика Академии наук Исаака Брюкнера, который был рекомендован в академию Л. Эйлером [Пекарский, 1870, с. 251].
- ⁷ О нем см. [Иностранные специалисты..., 2019, с. 92–94].
- ⁸ Больман и Паули специалистам, по-видимому, еще неизвестны [Хомеев, 2005, с. 81–85].

Список источников

- Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1689. Оп. 1. Д. 1.
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 40. Оп. 1. Д. 1; Ф. 347. Оп. 1. Д. 31; Ф. 444. Оп. 2. Д. 1; Ф. 1010. Оп. 1. Д. 242; Ф. 1896. Оп. 1. Д. 1.
- Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии // Сборник Русского исторического общества. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1870. Т. 5. С. 295–478.
- Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России / сост., науч. ред. К.В. Малиновский. М.: Искусство, 1990. Т. 1. 446, [2] с.; Т. 2. 246, [2] с.
- Büsching A.F. Geschichte der Evangelisch-Lutherischen Gemeinen im Russischen Reich. Altona: Verlegt von David Iversen, 1766–1767. Th. 1. 336 S.; Th. 2. 223 S.
- Erik Amburger Datenbank. Available at: <https://www.amburger.ios-regensburg.de> (accessed: 10.06.2024).
- Majewski S.L. Gedächtnissrede auf die weiland hochadelgebohrne Frau Catharina Euler gebohrne Gsell des hochansehnlichen und hochgelehrten Herren Leonhard Euler der hiesigen Kayserlichen Akademie der Wissenschaften wie auch verschiedener Akademien Mitgliedes, ehemaligen Direktors der Königl. Preussischen Akademie der Wissenschaften, gewesene Ehegattin am 14ten November 1773. bey der Beerdigung derselben gehalten von S.L. Majewski. St. Petersburg: Gedruckt in der Buchdruckerey des Kayserl. Adel. Artil. und Ingen. Kadettenkorps Bey J.K. Schnoor, [1773]. 16 S.

Библиографический список

- Алакшин А.Э. Иностранные в Петербурге XVIII века: опыт историографического исследования. СПб.: Петрополис, 2014. 240 с. ISBN: 978-5-9676-0562-8. EDN: XWOEYH.
- Алакшин А.Э. Пасторы евангелических общин в Петербурге XVIII века. СПб.: Петрополис, 2023. 240 с.
- Алакшин А.Э. Протестантские общины в Петербурге в XVIII веке. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2006. 415 с. ISBN: 5-7271-0805-5. EDN: TASZKH.
- Брылевская Л.И. Предисловие // Мументалер Р. Швейцарские ученые в Санкт-Петербургской академии наук. XVIII век / отв. ред. Л.И. Брылевская. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 5–8.
- Винник М. Метрические книги как источник по истории населения России // Демоскоп Weekly. 2012. № 1. С. 535–538.
- Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого: биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи: 1682–1727 / под ред. В.С. Ржеуцкого и Д.Ю. Гузевича. М.: Ломоносовъ, 2019. 800 с.
- Иодко О.В. Петербургский след Готлиба (Теофила) Зигфрида Байера (1694–1738) // Немцы в Санкт-Петербурге: биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 12. СПб.: МАЭ РАН, 2019. С. 20–34. EDN: XTCVKKG.
- Малиновский К.В. Художественные связи Германии и Санкт-Петербурга в XVIII веке. СПб.: Крига, 2007. 496 с. ISBN: 978-5-901805-30-5. EDN: QTCSYF.
- Мументалер Р. Швейцарские ученые в Санкт-Петербургской академии наук. XVIII век / отв. ред. Л.И. Брылевская. СПб.: Нестор-История, 2009. 236 с. EDN: QXZZBJ.
- Пекарский П.П. История Императорской академии наук в Петербурге. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1870. Т. 1. [2], LXVIII, 774 с.

Поленов Д.В. О присяге иноземцев, принятых в русскую службу при Петре Великом // Русский архив. 1869. Вып. 11. Стб. 1729–1766.

Степанов В.П. Остервальд Тимофей Иванович (Христиан Дитрих) // Словарь русских писателей XVIII века / под ред. А.М. Панченко. Вып. 2 (К–П). СПб.: Наука, 1999. С. 392–393.

Хомеев П.И. Немецкие переплетчики на службе в Петербургской академии наук (1724–1770) // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование: [сб. ст.]. СПб.: Росток, 2005. С. 81–86. ISBN 5-94668-017-X.

Шнайдер В.Г. Церковные метрические книги как источник по изучению генеалогии // Вестник Армавир. гос. пед. ун-та. 2021. № 1. С. 109–115.

Dalton H. Geschichte der Reformierten Kirche in Russland. Kirchenhistorische Studie von Herman Dalton. Gotha: Verlag von Rudolf Besser, 1865. X, 270 S.

Muralt E. Chronik der vereinigten franzoesischen und teutschen reformirten Gemeinde in St. Petersburg. Dorpat: J.C. Schunmann's Wittwe, 1842. 70, [2] S.

Дата поступления рукописи в редакцию 08.07.2024

SCIENTISTS OF THE PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES AND THEIR FAMILIES AS PART OF NON-ORTHODOX COMMUNITIES (BASED ON THE MATERIALS OF THE CHURCH REGISTERS, 18TH CENTURY)

A. N. Andreev

Russian State University for the Humanities, Miusskaya Sq., 6, Moscow, 125047, Russia
alxand@yandex.ru

Researcher ID: A-5232-2016
Scopus Author ID: 57218506275
SPIN: 9503-1117

Yu. S. Andreeva

First Moscow
State Medical University (Sechenov University), Bolshoy Patriarshiy Lane, 3, build 1, Moscow, 123001, Russia
iulyand@yandex.ru
SPIN: 9221-4494

Based on the church registers of non-Orthodox communities, the authors uncover the system of social (religious), consanguineous and spiritual kinship relations in which foreign scientists of the St. Petersburg Academy of Sciences took part in the 18th century. The article pays special attention to anatomist and physiologist Jean George Duvernois, mathematician Leonard Euler, library director Johann Daniel Schumacher. The history of their families shows that the academic environment was not only a sphere of professional communication, but also an area of matrimonial relations, where foreigners acquired conjugal ties. In Russia of the 18th century, the scientists of the St. Petersburg Academy of Sciences were mainly Protestant Reformers and Lutherans. They united into kindred and spiritually related clans that existed in the world of interconnected Protestant communities, isolated from the Russian Orthodox society. The authors conclude that the godfathering of foreign academicians and professors (not excluding the nepotism) could indirectly influence the life of the Academy of Sciences. The article provides a lot of new information about the life in Russia of such employees of the Saint Petersburg Academy as Johann Amman, Gottlob Friedrich Wilhelm Juncker, Christian Nicolaus von Winsheim, Johann Georg Leutmann, Martin Schwanwitz, Johann Schreiber, etc. This article is based on archival materials from the funds of the Central State Historical Archive of St. Petersburg and the Russian State Historical Archive.

Key words: Petersburg Academy of Sciences, foreigners in Russia, Protestant parishes, biographies, family history.

References

- Alakshin, A. E. (2006). *Protestantskie obshchiny v Peterburge v XVIII veke* [Protestant communities in St. Petersburg in the 18th century]. Chelyabinskij gosudarstvenny universitet.
- Alakshin, A. E. (2014). *Inostrantsy v Peterburge XVIII veka: Opyt istoriograficheskogo issledovaniya* [Foreigners in St. Petersburg of the 18th century: An experience of historiographical research]. Petropolis.
- Alakshin, A. E. (2023). *Pastory evangelicheskikh obshchin v Peterburge XVIII veka* [Pastors of Evangelical communities in St. Petersburg of the 18th century]. Petropolis.

- Brylevskaya, L. I. (2009). Preface. In R. Mumenthaler, *Shveytsarskie uchenye v Sankt-Peterburgskoy akademii nauk. XVIII vek* [Swiss scientists at the St. Petersburg Academy of Science. 18th century] (pp. 5–8). Nestor-Istoriya.
- Dalton, H. (1865). *Geschichte der Reformierten Kirche in Russland* [The history of the Reformed Church in Russia]. Verlag von Rudolf Besser.
- Inostrannye spetsialisty v Rossii v epokhu Petra Velikogo: Biograficheskiy slovar' vykhodtsev iz Frantsii, Vallonii, frankoyazychnykh Shveytsarii i Savoyi: 1682–1727 [Foreign specialists in Russia in the Era of Peter the Great: A biographical dictionary of immigrants from France, Wallonia, French-speaking Switzerland and Savoy: 1682–1727]. (2019). Lomonosov.
- Iodko, O. V. (2019). The St. Petersburg Trail of Gottlieb (Theophilus) Siegfried Bayer (1694–1738). In *Nemtsy v Sankt-Peterburge: Biograficheskiy aspect. Vyp. 12* [Germans in St. Petersburg: A biographical aspect. Issue 12] (pp. 20–34). RAN.
- Khoteev, P. I. (2005). German bookbinders in the service of the St. Petersburg Academy of Sciences (1724–1770). In *Nemtsy Sankt-Peterburga: Nauka, kul'tura, obrazovanie* [Germans of St. Petersburg: Science, culture, education] (pp. 81–86). Rostok.
- Malinovskiy, K. V. (2007). *Khudozhestvennye svyazi Germanii i Sankt-Peterburga v XVIII veke* [Artistic ties between Germany and St. Petersburg in the 18th century]. Kniga.
- Mumenthaler, R. (2009). *Shveytsarskie uchenye v Sankt-Peterburgskoy akademii nauk. XVIII vek* [Swiss scientists at the St. Petersburg Academy of Science. 18th century]. Nestor-Istoriya.
- Muralt, E. (1842). *Chronik der vereinigten franzoesischen und teutschen reformirten Gemeinde in St. Petersburg* [Chronicle of the united French and German Reformed Community in St. Petersburg]. J.C. Schunmann's Wittwe.
- Pekarskiy, P. P. (1870). *Istoriya Imperatorskoy Akademii nauk v Peterburge* [The history of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg] (Vol. 1). Tip. Imp. Akademii nauk.
- Polenov, D. V. (1869). On the oath of foreigners accepted into the Russian service under Peter the Great. *Russkiy arkhiv*, 11, 1729–1766.
- Shnaider, V. G. (2021). Church register books as a source for the study of genealogy. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 1, 109–115.
- Stepanov, V. P. (1999). Osterwaldt Timofei Ivanovich (Christian Dietrich). In *Slovar' russkikh pisateley XVIII veka* [A dictionary of Russian writers of the 18th century] (Vol. 2, pp. 392–393). Nauka.
- Vinnik, M. (2012). Church registers as a source on the Russian population history. *Demoscop Weekly*, 1, 535–538.